

ГАРРИ ГАРРИСОН,
ДЖОН ХОЛМ

Крест и король

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445
Г 21

Harry Harrison
ONE KING'S WAY
Copyright © 1994 by Harry Harrison
All rights reserved

Публикуется с разрешения наследников автора при содействии
Агентства Александра Корженевского (Россия)

Перевод с английского Виктора Гаврилова

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Татьяны Павловой

Иллюстрация на обложке Виталия Еклериса

ISBN 978-5-389-19476-2

© В. Н. Гаврилов (наследник), перевод, 1997
© В. В. Еклерис, иллюстрация на обложке, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

ГЛАВА 1

Схваченная за горло одной из жесточайших на человеческой памяти зим, Англия лежала под мертвящей мантией снега. Великую Темзу сковало льдом от берега до берега. Дорога, ведущая на север к Уинчестеру, покрылась окаменевшими отпечатками копыт и мерзлым конским навозом. Лошади оскальзывались на льду, из их ноздрей вырывалось горячее дыхание. А всадники, поеживаясь от холода, глядели на потемневшие стены великого собора, безуспешно прищипывая своих верных, но усталых скакунов.

Было 21 марта в год 867-й от Рождества Христова; был день великого празднества. Вершилось королевское торжество. Места для зрителей заполнила военная аристократия Уэссекса, а также все олдермены, лендлорды и знатные горожане, кому было дозволено толпиться внутри каменных стен и, зевая и потев, прилежно наблюдать под неумолчный гул публики и толмачей, как разворачивается выверенный и пышный ритуал коронации христианского государя.

В нефе Уинчестерского собора, в самом первом ряду скамей, справа, сидел настороженный Шеф Сигвардссон, соправитель Англии — и полноправный сюзерен всех тех ее частей к северу от Темзы, которые мог удержать под своей рукой. Сюда его привела просьба Альфреда, больше похожая на приказ.

— Ты не обязан присутствовать на мессе, — заявил Альфред Шефу при его дружине. — Можешь даже не петь псалмы. Но я хочу, чтобы ты был на коронации, Шеф, при всех регалиях и короне. Просто ради приличия. Отбери самых заметных людей, и пусть все видят, что ты богат и силен. Я хочу, чтобы каждый убедился: меня полностью поддерживают северные язычники, победители Ивара Бескостного и Карла Лысого. Не дикие язычники, святотатцы и воры, Рагнарво семя, но люди Пути в Асгард, люди с нагрудными амулетами.

«Ну, это-то нам, по крайней мере, удалось», — оглядевшись, подумал Шеф.

Два десятка людей Пути, допущенные на почетные места, смотрелись по-благородному. На Гудмунде Жадном серебра и золота в виде браслетов, ожерелий и поясных блях было больше, чем на любых пяти лендлордах из Уэссекса, вместе взятых. Он, конечно, имел свою долю с трех знаменитых походов Шефа, слава о которых, хотя и легендарная, не была таким уж преувеличением. Торвин, жрец бога Тора, и его товарищ Скальдфинн, жрец Хеймдалля, чуждые мирской суете, облачились, однако же, в ослепительно-белые одежды и не забыли повесить на грудь свои пекторали — небольшой молот у Торвина и трезубец у Скальдфинна. Квикка, Озви и другие английские вольноотпущенники, ветераны войн Шефа, хотя и безнадежно заурядные в глазах молодых честолюбцев, умудрились вырядиться в неслыханно роскошные шелковые одеяния. Они бережно держали на плечах орудия своего ратного дела: алебарды, арбалеты и рукояти от воротов катапульта. Шеф подозревал, что сам вид этих людей, явно англичан низкого происхождения и при этом богатых настолько, что и присниться не могло среднему уэссекскому лендлорду, не говоря уж о простолюдинах, был самым убедительным молчаливым свидетельством побед Альфреда.

Церемония длилась уже много часов, начавшись с торжественной процессии от королевской резиденции к собору; расстояние едва достигало сотни ярдов, но каждый шаг требовал особого ритуала. Затем первые люди королевства сгрудились в соборе для причастия, не столько из-за религиозного рвения, сколько из-за ревнивого желания не упустить удачу или благословение, которые могут достаться другим. Среди них, как заметил Шеф, было много нелепо выглядевших, с недоразвитой мускулатурой и в грубой одежде — рабов, которых освободил Альфред, и простолюдинов, которых он жаловал. Они должны были разнести весть по своим городишкам и деревням, чтобы никто не усомнился: принц Альфред стал королем Западной Саксонии и Марки согласно всем установлениям, Божьим и человеческим.

В первом ряду, возвышаясь над окружающими, сидел маршал Уэссекса, выбранный в соответствии с обычаем из самых знаменитых воинов. Распорядитель на этой церемонии, Вигхерд, смотрелся по-настоящему внушительно: ростом ближе к семи футам, чем к шести, и весом в добрые двадцать английских стоунов; на вытянутых руках он держал меч короля с такой легкостью, будто это был прутик, и всем было известно о его сверхъестественном умении фехтовать алебардой.

Один из людей Шефа, сидевший слева от него, мало следил за церемонией, зато снова и снова оглядывался на ратоборца. Это был Бранд, из славных мужей Холугаланда, все еще изможденный и сморщенный, — в схватке на корабельных сходнях с Иваром Бескостным он получил тяжелую рану в живот. И тем не менее Бранд выглядел настоящим гигантом. Костям было тесно в его шкуре, суставы пальцев выпирали подобно утесам, а нависающие над глазами надбровья казались оборонительными валами. Кулаки Бранда, как однажды измерил Шеф, превышали пивную кружку: не просто огромные, но непро-

порционально большие даже для него. «Там, откуда я родом, мальчики растут крепкими» — вот и все, что говорил об этом сам Бранд.

Шум толпы стих, едва получивший причастие и благословение Альфред повернулся к ней, чтобы произнести слова присяги. Впервые за время службы была забыта латынь и зазвучала английская речь, когда главный олддермен задал Альфреду церемониальный вопрос:

— Оставляешь ли ты нам наш старинный закон и обычай и клянешься ли своей короной блюсти справедливые законы и защищать права своих людей от любого врага?

— Клянусь! — Альфред оглядел набитый людьми собор. — Я всегда поступал по справедливости и буду так поступать впредь.

Пронесся одобрительный гул.

«Наступает острый момент», — подумал Шеф, когда олддермен шагнул назад, а вперед вышел епископ. Во-первых, епископ был непозволительно молод — на что имелись свои причины. После того как Альфред конфисковал имущество Церкви и был отлучен папой римским, после Крестового похода против отступника и заявлений об окончательном разрыве страну покинуло все старшее духовенство, от архиепископов Кентерберийского и Йоркского до последнего епископа и аббата. В ответ на это Альфред отобрал с десятков наиболее способных молодых священников и сказал им, что Церковь Англии отныне в их руках. Сейчас один из них, Энфрит, епископ Уинчестерский, каких-то шесть месяцев назад еще священник в никому не известной деревушке, вышел вперед, чтобы задать свои вопросы.

— Государь, мы просим твоей защиты для Святой Церкви и справедливых законов и правосудия для всех, кто к ней принадлежит.

Энфрит и Альфред целыми днями вырабатывали эту новую формулу, припомнил Шеф. В традиционной формуле говорилось о подтверждении всех прав и привилегий, о сохранении доходов и десятины, имущества и земельных владений — всего, что Альфред уже отобрал.

— Я дам вам защиту и справедливый закон, — отвечал Альфред. Он снова окинул взглядом собор и добавил непредусмотренные слова: — Защиту тем, кто принадлежит к Церкви, и тем, кто не принадлежит. Справедливый закон для верующих и для остальных.

Опытные хористы Уинчестера, монахи и иноки, грянули песнь о первосвященнике Садоке «Unxerunt Salomonem Zadok sacerdos», пока епископ готовился к торжественному миропомазанию, чтобы Альфред в буквальном смысле слова сделался помазанником Божиим, восстание против которого было бы святотатством.

«Вскоре, — подумал Шеф, — настанет трудный для меня момент».

Ему очень подробно растолковали, что в Уэссексе со времен недоброй памяти королевы Эдбур не было своей королевы и что жена короля отдельно не коронуется. Тем не менее Альфред настоял, чтобы его жена предстала с ним перед народом в память о самоотверженности, что она проявила в войне с франками. После возложения короны, вручения меча, перстня и скипетра Альфред будет ждать, что его жена выйдет вперед и будет представлена собравшимся — не как королева, но как леди Уэссекс. И кому же еще вести ее к алтарю, как не брату и соправителю короля Шефу, владения которого смогут перейти к сыну Альфреда и леди Уэссекс, если у него не будет своих детей?

«Я теряю ее во второй раз», — горестно подумал Шеф.

Ему снова придется позабыть любовь, ту страсть, что некогда вспыхнула между ними. В первый раз виной всему

был человек, которого они оба ненавидели, а теперь, словно в наказание, Шеф должен отдать ее человеку, которого они оба любят. Когда Торвин подтолкнул его могучим локтем, напоминая, что пора вести к алтарю леди Годиву со свитой девушек, Шеф перехватил ее взгляд — ее торжествующий взгляд — и ощутил, как его сердце обратилось в лед.

«Альфред может быть королем, — в оцепенении подумал Шеф. — А я — нет. У меня никогда не было на это прав и не осталось сил».

Когда хор перешел к молитве «Benedicat», Шеф принял решение. Он сделает то, чего хочет, а не просто выполнит долг. Он возьмет свой флот — новый флот соправителя — и обратит пылающий в душе гнев против врагов королевства: северных пиратов, флотилий франков, работоторговцев из Ирландии и Испании. Против всех. Пусть Альфред и леди Годива будут счастливы дома. Он обретет мир и покой среди тонущих людей и гибнущих кораблей.

Утром того же дня на крайнем севере земли датчан совершалась более грубая и более устрашающая церемония. Пленник оставил попытки спастись. Он не был ни трусом, ни безвольным слабаком. Двумя днями раньше, когда люди Змеиного Глаза вошли в загон для рабов, он знал, что произойдет с тем, кого они выберут. Когда выбрали его, он знал также, что теперь должен использовать малейший шанс на спасение. И он это сделал: по пути украдкой нащупал слабинку в наручной цепи и дождался, когда стражи погнали его через деревянный мост, ведущий к цитадели Бретраборга, гнезду трех сыновей Рагнара. Неожиданно он хлестнул цепью вправо и метнулся к перилам, чтобы рухнуть в стремительный поток и в лучшем

случае доплыть до свободы, а в худшем — умереть своей смертью.

Его стражники видели много подобных отчаянных попыток. Один ухватил беглеца за лодыжку, пока тот переваливался через перила, а двое других прижали так, что и не вырваться. Затем они методично избили пленника древками копий, не со злости, а чтобы он не мог быстро двигаться. С него сняли цепи и вместо них надели ремни из сыромятной кожи, скрутив их и смочив морской водой, чтобы, высыхая, давили потуже. Он не видел в темноте свои пальцы, иссиня-черные и распухшие, как у мертвеца. Если бы даже какой-нибудь бог вмешался и спас ему жизнь, руки спасти было бы поздно.

Но ни боги, ни люди не вмешивались. Стражи больше не обращали на него внимания, разговаривали между собой. Он не был мертв, поскольку то, к чему его готовили, требовало, чтобы жертва дышала, а главное, чтобы в ее жилах текла кровь. Но и только. Больше ни в чем нужды не было.

Сейчас, к концу долгой ночи, стражники перенесли его из строения, где стоял свежепросмоленный флагманский корабль, вдоль длинного ряда деревянных катков, образующих спуск к воде.

— Это мы. А вот он, — пробурчал их старший, крепкий мужчина средних лет.

— Как мы это сделаем? — спросил один из воинов, юный, отличавшийся от товарищей отсутствием регалий, шрамов и серебряных браслетов. — Я никогда этого не видел.

— Ну так смотри и учись. Первым делом разрежь ему ремни на запястьях. Нет, не бойся. — (Юноша колебался, машинально высматривая, куда мог бы побежать пленник.) — Он спекся. Взгляни на него: если отпустить, он

не сможет даже ползти. Не урони его, осторожно. Просто освободи запястья, вот так.

Пленник пошатнулся, когда ремни были перерезаны, и увидел перед собой бледный, но разгорающийся отблеск.

— Теперь положи его на бревно. Животом вниз. Ноги вместе. А сейчас смотри, малыш. Запомни, это важно. Трэлл должен лежать спиной кверху, скоро узнаешь почему. Есть причина, чтобы руки не были у него сзади, и надо, чтобы он не мог отодвинуться. И еще надо, чтобы он не мог корчиться. Поэтому я делаю так. — Старший из воинов прижал лицо пленного к толстому сосновому бревну, на котором тот лежал, взял его руки и вытянул вперед, так что жертва стала похожа на ныряльщика. Из-за пояса он достал молоток и два железных гвоздя. — Обычно мы трэлов связываем, но сейчас, чтобы ты намотал на ус, поступим иначе. Я однажды видел такую штуку в христианской церкви. И конечно, гвозди были вбиты не туда, куда надо. Ох и дурни же эти христиане!

Покряхтывая от усилий, ветеран аккуратно вгонял гвоздь в запястье. Позади него толпились воины. Светало, на востоке обрисовались темные силуэты. Копья и шлемы зубчатым контуром отгородили часть неба, откуда солнце вскоре должно было бросить свой первый луч на происходящее и начать первый день нового года у викингов, — день, когда продолжительность тьмы и света одинакова.

— Он хорошо держится, — сказал юноша, когда наставник принялся вбивать второй гвоздь. — Больше похож на воина, чем на трэлла. Кто он такой, кстати?

— Он-то? Просто рыбак, которого мы захватили в прошлом году на обратном пути. И он не держится хорошо, а просто ничего не чувствует: руки давно омертвели. Теперь уже скоро, — добавил он для пригвожденного

к бревну человека и потрепал его по подбородку. — В следующем мире не говори обо мне дурного. Если бы я плохо сделал свое дело, было бы много хуже. Но я все сделал правильно. Вы двое, привяжите ему ноги, гвоздей больше не надо. Ступни вместе. Когда придет время, мы его повернем.

Группка людей поднялась на ноги, оставив жертву распростертой вдоль соснового бревна.

— Готово, Вестмар? — раздался голос.

— Готово, господин.

Пока они работали, место позади них заполнилось людьми. На заднем плане, вдали от берега и фьорда, вздымались неясные очертания невольничьих загонов, корабельных мастерских и доков. Угадывались стройные шеренги барачников, служивших пристанищем для верных отрядов морских королей, сыновей Рагнара, — некогда четверых братьев, а ныне только троих. Из барачников потком шли люди, одни мужчины — ни женщины, ни ребенка, — чтобы увидеть торжественное зрелище: спуск на воду первого корабля, начало военного похода, который принесет разор и гибель христианам и их союзникам на юге.

Однако воины попятились, построившись на берегу фьорда широким полукругом. К самому берегу вышло только три человека, все высокие и могучие, в расцвете сил, три оставшихся в живых сына Рагнара Мохнатые Штаны: седой Убби, похититель женщин; рыжебородый Хальвдан, заядлый борец и воин, фанатически преданный воинским обычаям и кодексу чести. Впереди них стоял Сигурд Змеиный Глаз, прозванный так, потому что белки окружали самые зрачки его глаз, словно у змеи; человек, который вознамерился стать королем всех земель Севера.

Все лица были обращены на восток: не покажется ли из-за горизонта краешек солнечного диска. В месяце, ко-

торый христиане называют мартом, здесь, в Дании, по большей части бывают видны только облака. Сегодня же, как доброе предзнаменование, небо было чистым, не считая легкой дымки у края, уже подернувшейся розовым из-за невидимого пока солнца. Среди ожидающих поднялся легкий гул, когда вперед вышли толкователи примет, ссутулившиеся старики, со священными торбами, ножами и бараньими лопатками для предсказаний.

Сигурд смотрел на них холодно. Они были нужны воинам. Но он не боялся дурных предзнаменований, жалких пророчеств. Ведун, который вещал недоброе, так же легко мог оказаться на жертвенном камне, как и любой человек.

В мертвом торжественном молчании распростертый на бревне пленник обрел голос. Пригвожденный и связанный, он не мог пошевелить даже пальцем. Но ему удалось вывернуть голову назад, и он заговорил придушенным голосом, обращаясь к среднему из троих сыновей Рагнара:

— Что ты делаешь, Сигурд? Я вам не враг. Я не христианин и не человек Пути. Я датчанин и свободнорожденный, как и ты сам. Какое ты имеешь право отнимать у меня жизнь?

Его последние слова потонули в гуле толпы. На востоке пролегла полоска света, солнце вставало над почти плоским горизонтом Съелланда, самого восточного из датских островов. Змеиный Глаз повернулся, сорвал с себя плащ и махнул людям, что находились наверху, в доме.

Тотчас же заскрипели тали, и пятьдесят человек, лучшие из лучших в армии сыновей Рагнара, дружно крякнув, навалились всем своим весом на канаты, привязанные к уключинам. Из строения показалась драконья голова флагманского корабля Змеиного Глаза, самого «Франи ормра», то есть «Сияющего червя». Вытянутая с плоского места на смазанные салом катки десятитонная махина,

пятидесятифутовый киль сделан из самого прочного дуба во всей Дании.

Корабль достиг верхушки слипа. Распятый выгнул шею вбок, чтобы видеть свою судьбу, надвигающуюся сверху, и крепко сжал челюсти, чтобы сдерживать рвущийся крик. Только одного он мог лишить своих мучителей — доброго предзнаменования для похода. Страха, отчаяния и воплей жертвы.

Воины разом налегли на канаты, нос клюнул, и корабль заскользил вниз, тяжело ударяя по каждому бревну. Когда крутой форштевень завис над приговоренным, тот закричал снова, вкладывая в каждое слово презрительный вызов:

— Какое ты имеешь право, Сигурд? Что сделало тебя королем?

Киль ударил его точно в поясницу, проехал и размозжил своей ужасающей тяжестью. Невольно легкие выдавили предсмертный стон, превратившийся в крик, когда боль превзошла все мыслимые пределы. Корабль пошел над жертвой — а катальщики теперь притормаживали его, — и бревно с распятым повернулось. Кровь из растерзанного сердца и легких струей брызнула под давлением массивного кия.

Она выплеснулась и наверх, на развал бортов. Прорицатели, которые внимательно следили, пригнувшись как можно ниже, чтобы не пропустить ни одной детали, кричали и в восторге крутили длинными рукавами с бахромой:

— Кровь! Кровь на бортах для морского владыки!

— И крик! Предсмертный крик для предводителя воинов!

Корабль с плеском вошел в тихие воды Бретраборгского фьорда. В этот момент солнечный диск полностью поднялся над линией горизонта, пронзая дымку длин-

ными лучами. Отбросив плащ, Змеиный Глаз схватил копьё и воздел его над теньями дока и слипа. Солнце пламенем зажгло восемнадцатидюймовый треугольный наконечник.

— Красный свет и красное копьё в новом году! — дружно воскликнули воины, заглушив вопли прорицателей.

— Что сделало меня королем? — крикнул Змеиный Глаз вслед отлетающей душе жертвы. — Кровь, что я пролил, и кровь в моих жилах! Потому что я богорожденный сын Рагнара, сына Волси, от семени бессмертных. А сыновья смертных — катки под моим килем!

Позади него армия викингов побежала к своим кораблям, команда за командой, торопясь занять место на переполненных слипах.

Та же зимняя стужа, что сковала Англию, царила и по другую сторону пролива. В холодном городе Кёльне в тот самый день, когда был коронован Альфред, одиннадцать человек сидели в пустом нетопленном зале большой церкви за сотни миль к югу от Бретраборга с его человеческими жертвоприношениями. Пурпурная с белым одежда пятерых из них отмечала архиепископский сан — но ни один не носил алого цвета кардиналов. Справа и позади от каждого из пяти сидел человек, одетый в простую черную рясу согласно уставу ордена Святого Хродеганга. Каждый был капелланом, исповедником и советчиком своего архиепископа — не имея чинов, но имея огромное влияние, а также весомые надежды унаследовать достояние князей Церкви.

Одиннадцатый человек тоже носил черную рясу, на этот раз рясу простого дьякона. Он украдкой рассматривал собравшихся, признавая и уважая их власть, но сомневаясь в своем праве на место за их столом. Это был

Эркенберт, некогда архидиакон великого собора в Йорке и правая рука архиепископа Вульфхера. Но собора, разграбленного в прошлом году взбесившимися северными язычниками, больше не было. И Вульфхер, хотя и остался архиепископом, был просто приживалом у своих братьев-архиепископов, объектом презрительного милосердия, как и его товарищ по несчастью, примас Кентерберийского собора.

Эркенберт не знал, зачем его позвали на эту встречу. Он не подозревал, что подвергается смертельной опасности. Комната была пуста не потому, что великий архиепископ Кёльна не мог себе позволить ее украсить. Она была пуста, так как он хотел, чтобы ни один соглядатай не мог в ней укрыться. Произносимые здесь слова, стань они известны, означали бы смерть для всех присутствовавших.

Собравшиеся медленно, постепенно, осторожно, прощупывая друг друга, подходили к общему решению. Теперь, когда оно было принято, напряжение спало.

— Итак, он должен уйти, — повторил архиепископ Гюнтер, организатор встречи в Кёльне.

Молчаливые кивки собравшихся вокруг стола.

— Его ошибки слишком велики, чтобы смотреть на них сквозь пальцы, — подтвердил Тевтгард из Трира. — Не только поражение крестоносцев, посланных им против английских провинций...

— Хотя уже одно это знак Божественного нерасположения, — поддакнул известный своей набожностью Хинкмар из Реймса.

— Но еще он позволил прорасти семенам. Семенам худшего, чем поражение какого-то короля. Семенам раскола.

Слово было сказано, и сразу настала тишина. Все знали, что случилось в прошлом году. Когда под одновре-

менным давлением норманнов и собственных епископов юный король западных саксов Альфред объединился с какой-то языческой сектой, прозываемой, как они слышали, Путем. Он успешно разбил викинга Ивара Рагнарсона, а затем и Карла Лысого, христианского короля франков и представителя самого папы. Теперь Альфред беспрепятственно правил в Англии, хоть и делил свой доминион с каким-то языческим ярлом, чье имя звучало неуместной шуткой. Но не шуткой было то, что в отместку за решение папы Николая послать крестоносцев Альфред объявил об отделении Английской церкви от Вселенской и Апостольской римской церкви. Еще меньше походило на шутку лишение Церкви в Англии ее земель и собственности. Альфред позволял проповедовать и служить службы только тем, кто готов был обеспечивать себе пропитание за счет добровольных подаяний паствы. Даже ходили слухи, что новая власть склоняет клириков к ремеслам или торговле.

— Из-за этих поражений, из-за этого раскола он должен уйти, — повторил Гюнтер, оглядывая сидящих. — Я утверждаю, что папа Николай обязан отправиться к Господу. Он стар, но недостаточно. Мы должны ускорить его уход.

Теперь, когда слово было произнесено, воцарилась тишина; князьям Церкви нелегко было говорить об убийстве папы. Мейнхард, архиепископ Майнца, суровый и жесткий, заговорил громким голосом:

— Мы сможем осуществить это?

Священник рядом с Гюнтером пошевелился и сказал:

— Затруднений не будет. В окружении папы есть люди, которым мы можем доверять. Эти люди не забыли, что они немцы, как и мы с вами. Яд применять не советую. Лучше подушка ночью. Если он не проснется, его место будет объявлено вакантным без всякого скандала.

— Хорошо, — произнес Гюнтер. — Хоть я и считаю смерть папы Николая необходимой, ему самому, перед Богом клянусь, я не желаю ни малейшего зла.

Остальные взглянули на него с легким скептицизмом. Все знали, что всего десять лет назад папа Николай сместил Гюнтера и прогнал его с глаз долой за непослушание. Так же он обошелся и с Тевтгардом из Трира, а потом обругал и отверг даже святошу Хинкмара.

— Это был великий человек, который выполнял свой долг так, как понимал его. Я не виню Николая даже за злополучную экспедицию короля Карла. Нет, дело не в Крестовых походах. Но он допустил ошибку. Скажи им, Арно, — обратился Гюнтер к своему помощнику. — Объясни, как мы понимаем дело.

Гюнтер откинулся на спинку и поднял золотой бокал с рейнским вином, от которого так сильно зависели его архиепископские доходы.

Молодой человек пододвинул свой табурет ближе к столу, и его резко очерченное лицо под ежиком светлых волос оживилось.

— Здесь, в Кёльне, — начал он, — мы тщательно изучили военное искусство. Не только в смысле собственно сражений, но также в более широком смысле. Мы попытались рассуждать не просто как *tacticus*, — употребил он латинское слово, хотя до сих пор все говорили на нижне-немецком языке Саксонии и Севера, — но как *strategos* древних греков. И если мы подойдем к делу стратегически, — (тут Хинкмар поморщился от непривычной смеси латыни и греческого), — мы увидим, что папа Николай совершил роковую ошибку. Он не смог обнаружить то, что мы называем *punctum gravissimum*, то есть главную точку — точку приложения главных сил при нападении врага. Он не заметил, что настоящая опасность — опасность для всей Церкви — состоит не в ересях Востока,

и не в борьбе папы против императора, и не в морских набегах приверженцев Махаунда, но в малоизвестных королевствах, в беднейших провинциях Британии. Потому что только в Британии Церковь столкнулась с тем, кто хуже врага, — с соперником.

— Он сам с Востока, — сказал Мейнхард презрительно.

— Совершенно верно. Он считает, что все происходящее здесь, на северо-западе Европы, в Германии, во Франции и в Низинных Землях, не имеет большого значения. Но мы-то знаем, что здесь свершится предназначение. Предназначение Церкви. Предназначение мира. Я готов сказать о том, о чем не скажет папа Николай: о новом избранном народе, о единственном бастионе на пути варваров.

Он умолк, его белое лицо зарделось от гордости.

— Насчет этого вы тут не встретите возражений, Арно, — заметил Гюнтер. — Итак, у Николая должен появиться преемник. Я знаю, — поднял он руку, — что кардиналы не выберут папой человека, у которого есть хоть капля здравого смысла, и мы не можем надеяться, что нам удастся добавить итальянцам ума. Но мы можем добавить им глупости. Думаю, все со мной согласятся: мы употребим деньги и влияние, чтобы был выбран человек, популярный в Риме, из хорошей итальянской семьи и притом полное ничтожество. И кажется, он уже облюбовал себе папское имя: Адриан Второй, как мне сообщили. Более серьезно то, что предстоит сделать поближе к дому. Не только Николай должен уйти, но и король Карл. Ведь он тоже потерпел поражение, причем от толпы крестьян.

— Карла уже нет, — решительно сказал Хинкмар. — Его бароны не простят унижения. Те, кто не был с ним, никогда не поверят, что французских копейщиков могли разбить какие-то пращники и лучники. А те, кто был

в Англии, не хотят делить с ним позор. Веревка вокруг его шеи или кинжал под ребрами появятся и без нас. Но этого кто заменит?

— Прошу прощения, — тихо сказал Эркенберт.

Он слушал с величайшим вниманием и в какой-то момент понял, что эти люди, в отличие от помпезного и беспомощного английского духовенства, которому он служил всю жизнь, действительно ценят прежде всего ум, а не чины и звания. Младших выслушивали не одергивая. Любой мог поделиться своими идеями, и их могли принять. А если и отвергали, то с указанием причин и по здравом размышлении. Эти люди единственным грехом считали недостаток логики или воображения. Абстрактные построения опьяняли Эркенберта сильнее, чем винные пары из его кубка. Он почувствовал, что наконец-то оказался среди равных. А главное, он жаждал, чтобы и его приняли как равного.

— Я владею нижненемецким языком, потому что он похож на мой родной английский. Но позвольте мне сейчас перейти на латынь. Не понимаю, кем можно заменить французского короля Карла Лысого. И каких преимуществ достигнут собравшиеся при любом его преемнике. У него два сына, правильно? Карл и Луи. У него было три брата: Людвиг, Пипин и Лотар, из которых в живых остался один Людвиг; и у него, помнится, семь живых племянников, Луи, Карл, Лотар...

— ...Пипин, Карломан, Людвиг и Карл, — закончил Гюнтер и коротко хохотнул. — Наш английский друг из вежливости недоговаривает, что ни одного из них не отличишь от другого. Карл Лысый. Карл Толстый. Людвиг Саксонский. Пипин Младший. Кто из них кто и какое это имеет значение? На его месте я бы выразился так: потомок императора Карла Великого, самого Шарлеманя, потерпел поражение. Он не унаследовал доблести предков.

Мы ищем нового папу в Риме, а здесь мы должны найти нового короля. Новую династию королей.

Сидящие вокруг стола настороженно посмотрели друг на друга, постепенно осознавая, что все они уже думали о неммыслимом. Гюнтер удовлетворенно улыбнулся: его поняли.

Снова набравшись смелости, Эркенберт заговорил:

— Это возможно. У меня в стране королевская династия была низложена. А в вашей — разве сам Карл Великий пришел к власти не благодаря делам своих предков, сместивших богорожденных, которым служили? Их убили, им публично срезали волосы, чтобы показать: нет больше святости. И мы сможем это сделать. В конце концов, что делает короля королем?

За все время лишь один человек не проронил ни единого слова, хотя изредка и кивал одобрительно: это был почитаемый всеми архиепископ Гамбурга и Бремена, что далеко на севере, ученик и последователь святого Ансгара архиепископ Римберт, прославившийся своей храбростью в священном походе против северных язычников. Стоило ему шевельнуться, и все взгляды устремились на него.

— Вы правы, братья. Династическая линия Карла никуда не годится. И вы не правы. Не правы во многом. Вы говорите о стратегии, о *punctum gravissimum*, о Западе и Востоке, и в мире людей ваши слова могут иметь смысл.

Но мы живем не только в мире людей. И я говорю вам, что папа Николай и король Карл совершили худшую ошибку, чем вам кажется. Я молюсь только о том, чтобы мы сами не допустили ее. Я говорю вам: они не веруют! А без веры все их оружие и все их планы — не больше чем плевелы и сор, которые уносит ветром гнева Господня.

Поэтому я скажу вам, что нам не нужен ни новый король, ни новая династия королей. Нет. Что нам теперь

требуется, так это император! Император римский. Ведь мы, германцы, и есть новый Рим! Нам необходим император, чтобы возвеличиться.

Собравшиеся погрузились в разворачивающиеся перед ними видения, храня почтительное молчание. Его нарушил белобрысый Арно, капеллан Гюнтера.

— А как выбрать нового императора? — осторожно поинтересовался он. — И где его найти?

— Слушайте, — отвечал Римберт, — и я расскажу вам. Я расскажу вам о секрете Шарлеманя, последнего действительно великого римского императора на Западе. Я расскажу вам, что делает короля истинным королем.

Гаррисон Г., Холм Дж.

Г 21 Крест и король : роман / Гарри Гаррисон, Джон Холм ; пер. с англ. В. Гаврилова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 576 с. — (Мир приключений).

ISBN 978-5-389-19476-2

Знаток ремесел, провидец и воин Шеф Сигвардссон поднялся из самых низов, чтобы возглавить могущественный народ викингов. Но его растущее королевство угрожает существованию всей Европы, и он обзавелся множеством опаснейших врагов.

Церковные иерархи и их союзники, фанатики из рыцарского религиозного ордена, поклялись свергнуть Шефа любой ценой. Чтобы исполнить обет, им необходимо раздобыть священное копье, оборвавшее жизнь Христа, и возродить Священную Римскую империю.

Повинуясь ниспосланным свыше видениям, Шеф сражается, чтобы изменить ход истории, но кажется, даже сами боги вступили в разговор против него.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Литературно-художественное издание

ГАРРИ ГАРРИСОН, ДЖОН ХОЛМ

КРЕСТ И КОРОЛЬ

Ответственный редактор Геннадий Корчагин

Художественный редактор Татьяна Павлова

Технический редактор Татьяна Раткевич

Компьютерная верстка Елены Долгиной

Корректоры Светлана Федорова, Анастасия Келле-Пелле

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 15.04.2021. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 36. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®

115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

И-MPR-28233-01-R